

Курск. — 1996 — 12 апр. — с. 13

Ивановича и автор "Балтийского неба", очеркистка Наталья Соколова, Камил Икрамов — замечательный человек, сын крупного политработника, которого посадили в тридцать седьмом году вместе с женой. Камила взяли чуть позже как сына врагов народа. Родителей его расстреляли, а сам он вернулся из лагерей в пятьдесят шестом году.

— В таком окружении и ваше мировоззрение формировалось соответственно?

— Конечно: была антисоветщицей с детства. Хотя и отец, и его друзья были против Сталина, но — за Ленина. Такие энтузиасты двадцатого съезда, ненавидевшие сталинщину, репрессии: отец же в "Новом назначении" первым показал растленную структуру нашего "правящего класса", министров, которые не знают, сколько стоит проезд в метро. И кто мог подумать, что, когда скинут коммунистическую власть, это все останется непотопляемым! Я в начале перестройки была ужасной демократкой, на гребне тех иллюзий во мне проснулся даже общественный темперамент. А сейчас пришло разочарование, хотя Коммунистическую партию по-прежнему ненавижу и хочу верить, что обратно к власти она не придет. Сама в партию никогда не вступала,

маленькой аудитории для нее более естественное состояние. Как писал Владимир Соколов: "Заручиться любовью немногих, ответить перед ними тайком в свете сумерек мягких и строгих над белеющим черновиком".

Сейчас многие рвут на себе волосы: вот, поэзия никому не нужна! А что, она нужна была в каком-нибудь тринадцатом году, когда ахматовские "Четки" или "Белая стая" выходили тиражом четыреста экземпляров? Поэтому я сейчас не скорблю и чувствую себя неплохо. Если говорить о литературных пристрастиях, я — человек "серебряного века". И сейчас по заказу издательства "Московский рабочий" с энтузиазмом сделала антологию по акмеизму, провернула колоссальную работу — на каждого поэта подобрала "мозаику" высказываний современников о нем. Да книга все никак не выйдет, ощущение, что наши издательства плюнули на культуру, и это убивает.

— А ваши собственные сборники, их много?

— Со сборниками у меня плохо. В годы застоя их вышло три, но грех жаловаться — многих очень талантливых людей тогда вообще не печатали. Со мной же все было понятно: никаких тебе строк и паровозов, просто печальные

ренные проблемы в слове, я очень часто от них избавлялась.

— Какими поэтическими строками вы бы сами себя охарактеризовали?

— Почти тридцать лет назад я написала стихотворение, которое надолго стало для меня программой: "Вечно манили меня задворки и позабытые Богом свалки, не каравай, а сухие корки, не журавли, а дрянные галки. Улицы — те, которые кривы, рожицы — те, которые редки, лица, которые некрасивы, и колченогие табуретки. Я красотой надолго пристрастно всякие несовершенства эти: то, что наверняка прекрасно, и без меня проживет на свете". Как ни странно, оно надолго определило даже внешнюю эстетику моего поведения. У Цветаевой в одном из писем есть замечательная фраза: "Я ненавижу залюбленных людей и залюбленные города". Вот и я влюблялась всегда в странных чудачков — нравилось за невзрачной оболочкой обнаружить то, чего другие не видят. В стихах застойных лет у меня сплошные шизики, портреты каких-то стариков, старух, инвалидов, пьяного татарина. Может, это был еще и подсознательный протест против официальной поэзии, где всегда была ставка на сильных людей, передови-

грозило, что иначе его на жи- водерню отнесет. Потом уж поняла, что он все это разыг- рал, считая — мне в жизни кошка очень нужна. И ока- зался прав — Басю я полюби- ла всей душой. И мне через нее очень многое открылось в природе.

— А есть формула любви по- бековски?

— Любить надо тихо и крот- ко — "не обязан быть взаим- ным необузданный порыв".

— На практике это получается?

— Иногда не получается. Бывают и истерики, и бунты, и протесты. И все равно убеж- дена: нам никто не обязан от- вечать взаимностью.

— Для поэтических натур быт всегда был мукой. Вы тоже внебытовой человек?

— Нет. Хотя моим очень хо- зяйственным подругам мой быт, наверное, кажется несо- вершенным. Но сама считаю, что для себя выполняю макси- мум: вполне способна и сти- рать, и гладить, и пылесосить, и готовить. Я по природе очень педантична и обязатель- на, часто составляю план дня и ему слеую. Но бытовым "сумасшествием", по счастью, не страдаю.

— Свою индивидуальность в "мире мер" удается сохранять?

— У нас быть собой не бы- ло принято, поэтому мы все

АНТИСОВЕТЧИЦА С ДЕТСТВА БУДЕТ ЧЕСТНОЙ СТАРУХОЙ

Наверное, и потому, что автор "Нового назначения" был снисходительным отцом

Татьяна Бек — из писательской семьи. Уже тридцать лет пишет стихи. Регулярно печатается в толстых журналах, издала четыре сборника. И вопреки всем временным катаклизмам сумела сохранить редкое умение всегда оставаться собой, не петь с чужого голоса.

— Таня, вы "вступили" в поэзию тридцать лет назад. И ка- зались тогда таким вундеркин- дом, которому все дается легко. А на самом деле как было?

— Конечно, мне было легче, чем другим моим сверстни- кам, ничуть не менее одарен- ным. Не то чтобы родители меня куда-то устроивали, про- сто я с самого начала оказа- лась в литературной среде. К нам домой приходила Юнна Мориц, которая посмотрела мои стихи и сказала, что надо напечататься. И отнесла их в "Юность". Мне тогда было пятнадцать лет. И если бы мои папа и мама не были писате- лями, наверное, мне при- шлось бы пройти более долгий путь до публикации.

— С папой понятно — Алек- сандр Бек, автор нашедших в свое время романов "Волоко- ламское шоссе" и "Новое на- значение". А мама?

— Мама — Наталья Лойко, детская писательница, автор книг про школу, подростков. Очень помогала папе в работе. Сама я отца очень любила, но, честно говоря, пока он был жив, книг его толком не читала. Хотя и ощущала, что он незаурядный человек и весь отдается работе. Хорошо знала только роман "Новое назначение", который папа написал в шестьдесят чет- вертом году, и все оставшиеся ему восемь лет жизни разговоры в доме были о том, что его ни- как не удастся напечатать, что у Твардовского в "Новом мире" верстку набирали, рассыпали... А остальные тексты отца прочи- тала уже после его смерти и да- же стала специалистом по его творчеству, занималась издани- ем его сочинений.

— Каким отец был в жизни?

— Очень скромным челове- ком. Внешне даже нелепым по сравнению со своими импозан- тными товарищами. И я всегда за него переживала — прямо как Сонечка Мармеладова за Мармеладова. Мне казалось,

что отец странно одевается, разговаривает — в этакой ерни- ческой манере. Жил он только работой, не только писал, но и много читал "вокруг" того, чем занимался, встречался с людь- ми. Он это называл "беседо- вать". Его первой писательской школой был "кабинет мемуа- ров", еще до войны организо- ванный Горьким, так там отца и других "приходящих", среди которых даже Паустовский был, так и называли — "беседчики".

Досуг отец обычно прово- дил с друзьями за шахматами. Человеком он был совершенно несветским, и если бы до- жил до нашего времени, то на тусовки, наверное, не ходил бы. Любил подолгу жить за го- родом, в доме творчества "Ма- леевка", у него там даже своя комната была. А так — ни да- чи, ни машины, никаких при- вилегий, поскольку папа не был ни членом партии, ни от- ветственным работником: просто скромный разношнеч.

К моим шалостям он отно- сился снисходительно, никогда не наказывал, воспитание ос- тавлял маме. Отец сам в четыр- надцать лет сбежал из дома: на- доела опека не столько отца, военврача в Саратове, сколько мачехи. Шел семнадцатый год, и отец оказался в Екатеринбур- ге, в самой революционной гу- ще. Потом попал на граждан- скую войну, редактировал ди- визионную газету, в тех краях, где Чапаев с Фурмановым сра- жались, был ранен. После по- правки оказался в Москве, был критиком, журналистом, нашел же себя в Великую Отечествен- ную войну, когда написал "Во- локоламское шоссе". Призыву папа не подлежал: уже под со- рочо было, да и близорук стра- шно. Но с первых же дней пошел в народное ополчение. в "писа- тельскую" роту, от журнала "Знамя" был прикреплен к ди- визию Панфилова, ходил с бой- цами в атаку, так что знал вой- ну не понаслышке.

Очень дружил папа с Анато- лием Наумовичем Рыбаковым, который с моей мамой когда- то учился в одной школе — той самой МОПШКе, которая изображена в "Детях Арбата". Роман этот, кстати, хранился у нас дома, в укромном месте в шкафу, где-то с шестидесят третьего года: книгу не печата- ли двадцать пять лет. Были среди отцовских друзей Нико- лай Чуковский, сын Корнея

потому, наверное, и печата- лась мало. Но до полного дис- сидентства дело не доходило: может, чувствовала, что и в той среде абсолютно чистых, бескорыстных людей тоже очень мало.

— Неужели вы — романтик, живущий только стихами?

— Такого не было. Стихи потихоньку всегда писала, и как-то меня Бог вел, считала: как получится — так получи- тся. А хотела с самого начала быть литературным критиком- журналистом. Так и вышло. Поступила на факультет жур- налистики МГУ, потом рабо- тала в Библиотеке иностран- ной литературы, но это тща- тельное расписание карто- чек в подвале оказалось не для меня. А уже ближе к тридцати устроилась редактором в жур- нал "Вопросы литературы", и тут мне, считаю, повезло.

Я очень люблю сочетание редакторской и журналист- ской работы, люблю делать интервью, и этой своей рабо- той дорожу не меньше, чем стихами или переводами. Ме- ня и родители воспитывали в убеждении, что обязательно нужно иметь конкретную про- фессию. И это очень пригоди- лось в жизни. Сейчас я после длительного перерыва снова вернулась в "Вопросы лите- ратуры", а еще уже семь лет пре- подаю в Литературном инсти- туте, веду семинар. И хочу, чтобы мои студенты тоже ус- воили простую формулу: "По- этому можешь ты не быть, а литератором — обязан". По- тому что, раз они пошли в этот институт, а не в юридический или экономический, значит, уже "с приветом", и моя зада- ча — лишь помочь им стать начитанными, образованными людьми. А уж будут ли они поэтами, жизнью решит.

— Время сейчас, мягко гово- ря, непозитивное. Не тоскуете о той поре, когда поэты были кумирами поколения, собирали стадионы?

— Для меня это как две раз- ные жизни в одной. Помню, как четырнадцатилетней езди- ла с подругами в "Лужники", и до сих пор наизусть знаю многие стихотворения, кото- рые там читались. Но хоть ду- ша тогда и переполнялась вос- торгом, была в этом некая фикция. Поэзия в принципе не должна выходить на стади- оны, и нынешний возврат к

стихи. С перестройкой воз- никли уже другие сложности: хочешь выпустить книгу сти- хов — имей спонсора. В девя- ности третьем у меня вышла маленькая книжка "Смешан- ный лес", так ее выпустил мой племянник, физик по образо- ванию, ставший бизнесменом. Бесплатно сделал тысячу эк- земпляров и принес мне их в рюкзаке. А теперь, может быть, выйдет сборник в изда- тельстве "Глагол" у Саши Ша- талова, с которым мы дружим. Пока ищем деньги. Но отно- шусь к этому спокойно: в жур- налах меня печатают отменно, а для контактов с читателями это даже важнее.

— Ваша поэзия со временем менялась?

— Очень сильно, хоть и трудно судить о себе со сторо- ны. Я долгое время до конца себя не раскрывала, и вовсе не из-за цензуры — просто была зажата, стеснялась. Хотя, мо- жет, мне на роду было написа- но выразить и проанализиро- вать человеческие комплексы, психозы. Меня это всегда ин- тересовало, и с годами я пере- стала бояться подобной зада- чи. Ведь одиночество, отчуж- дение, невозможность пере- жить свое "я" в чужое — все это вещи, знакомые очень многим людям конца двадца- того века. Можно сказать, я шла по пути углубления пси- хического самоанализа, созда- вала поэзию "горестного реал- изма".

— Ваша любовная лирика всегда сдержанна. Это свойство натуры?

— Наверное. Одна женщи- на-критик в статье о женской поэзии обратила внимание на то, что образ мужчины, адре- сата и героя моей лирики, аб- солютно неконкретный. Нель- зя понять, сколько ему лет, где он работает, в каких я с ним состою формальных отноше- ниях. Это, скорее, метафора другого я", к которому жен- щина никогда до конца не мо- жет пробиться. И в самом де- ле, меня интересует "поеди- нок роковой", как называл эти отношения Тютчев, а вов- се не конкретные обстоятель- ства самого поединка.

Есть известная формула Ба- ратынского: "Болящий дух врачует песнопенье". Для ме- ня "песнопенье" — способ раз- бораться в своем внутреннем хаосе. Воплощая свои внут-

ков, лидеров — красивых, му- жественных, совершающих подвиги. А я красоту видела в искривлении, в увядании, в нестандарте — словом.

— Самые проникновенные лирические строки обычно ро- ждают несчастливую любовь. А как у вас?

— На взгляд со стороны, я, наверное, неудачница. Была за- мужем коротко и нелепо в мо- лодости, а основную часть своей женской жизни прожила одна, совершенно самостоя- тельно. Хотя очень люблю лю- бовь — это для меня обычное состояние. Романы у меня все- гда длительные, глубокие, а вот традиционного семейного лич- ного счастья не было. Но я дав- но поняла, что у каждого чело- века — своя судьба, свой лич- ный "рисунок", который часто не уместается в общепринятые стереотипы. И это вовсе не ме- шает чувствовать себя счастли- вой и гармоничной личностью. Знаете, как у птиц? Есть пере- летные, есть всю жизнь обита- ющие в одном гнезде, а есть и такие, что живут под корягой, а то и на помойке.

— Какая вы птица?

— Не перелетная. У меня в недавних стихах даже было ска- зано: "Мы не птицы, мы не улетим, даже если нас погонят силой..." Я никогда не эмигри- рую, но не потому, что такая уж патриотка нашей родины. Про- сто я консерватор местожитель- ства. Много путешествовала по- следнее время по заграничье и убедилась, что там бы умерла от ностальгии. Я писала статью о Борисе Слуцком к десятилетию его смерти и нашла у него по- трясавшие слова в одном сти- хотворении: "Хочу понимать язык соседа в предсмертном бреду..." Лучше не скажешь. А еще я птица одиночная, вне стаи.

— Слышала, у вас кот в до- ме. Как ваша "птичья" сущ- ность с ним уживается?

— Замечательно. Только это не кот, а кошка, зовут ее Барбара, или Бася. Оказалась она у меня с подачи Дмитрия Антоновича Сухарева, потря- сающего человека, маститого нейробиолога, академика, а еще — талантливого поэта, автора популярных песен. Он совершенно помешан на кошках и собаках, которых в его доме всегда несколько. И он настоял, чтобы я взяла но- ворожденного котенка, при-

такие кривые-косые. Раньше мне казалось, что этим и инте- ресны. А теперь этого так много, что как бы родился уже новый отечественный стан- дарт нестандартности. И хоро- шо бы немножко исправить- ся. Но самая трудная задача — быть собой, не мешая при этом другим. Как написала од- на молодая поэтесса: "И боль не заглушать, и людям не ме- шать".

— Грызня в расставшемся на "ячейки" писательском союзе стала уже притчей во языцех. Вы к ней как-то причастны?

— Вначале участвовала очень активно. Меня выбра- ли секретарем Союза писате- лей Москвы — "левого", где главными были Нагибин и Черниченко. Но потом вся "союзписательская" деятель- ность стала полным абсур- дом: что-то делили и разде- лить никак не могли, а все наши старики по-прежнему ни копейки не имели, дома творчества для нас стали не- доступны, замечательная библиотека почему-то закры- лась, ЦДЛ, который мы так любили, теперь могут посе- щать только "новые рус- ские", способные за обед на двоих выложить семьсот ты- сяч... Я поняла, что все это не имеет никакого отношения к нуждам талантливых, оказав- шихся в тяжелом положении писателей, и полгода назад безо всякого шума вышла из секретариата. Я же никакой пользы там не приносила, а числиться как "мертвая ду- ша"...

— В России поэтов всегда считали провидцами. Каким вам предвидится будущее?

— Я только про себя знаю. Говорят, поэты сами себе предсказывают судьбу. Так вот, я довольно давно написа- ла свое личное пророчество: "Я буду старой, буду белой, глухой, нелепой, неумелой, дающей лишние советы, ну, словом, брошка и штиблеты. А все-таки я буду сильной, глухой к обидам и двужиль- ной, не на трибуне тары-бары, а на бумаге мемуары. Да, неза- висимо от моды, я воссоздам вот эти годы — безжалостно, сердечно, сухо. Я буду честна старуха".

Считаю это стихотворение очень оптимистичным. Раз бу- ду старухой здесь и даже осилю мемуары, значит, жизнь продолжается.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.